Текст · 14 августа 2025, 08:40
Владимир Раевский,

«Знал бы Юрий Иванович». Переписка Антонины Зиминой и Натана Щаранского об их общем знакомом — следователе КГБ СССР Сучкове

Антонина Зимина отбывает 13 лет по делу о госизмене. В письме на волю она поделилась воспоминаниями о своем преподавателе с юрфака — следователе КГБ на пенсии, который в 1970-х вел дело легендарного диссидента Натана Щаранского. Это письмо передали Щаранскому, а тот написал Зиминой в ответ. «Медиазона» публикует выдержки из удивительной переписки, в которой два политзека разных поколений обсуждают порядки в Лефортово и нисколько не изменившиеся за полвека приемы спецслужб.

Краткое содержание

Кто есть кто в этой переписке (в алфавитном порядке)

- **Мария Бовенко** — художница и переводчица, живет во Франции. С осени 2022 года ведет обширную переписку с российскими политзаключенными. Отправила Антонине Зиминой передачу с книгой Натана Щаранского «Не убоюсь зла».

- **Антонина Зимина** — специалист по политике балтийских стран из Калининграда, эксперт основанного по распоряжению экс-президента Медведева Фонда

поддержки публичной дипломатии имени Горчакова. В 2018 году задержана по делу о госизмене[1], два года провела под следствием в московском СИЗО «Лефортово». В 2020-м осуждена на 13 лет колонии общего режима. По версии ФСБ, передала латвийской разведке некий документ, полученный от мужа, бывшего юриста в областном правительстве (он получил 12,5 лет). «Мемориал» признал Зимину политзаключенной. Она отбывает срок в ИК-2 Ленинградской области. В 2024 году, протестуя против унижающего человеческое достоинство обращения, вскрыла вены.

- **Владимир Раевский** — телеведущий и документалист. Живет в Лондоне. Переписывается с российскими политзаключенными, передал Натану Щаранскому письмо Антонины Зиминой.

- **Натан (Анатолий) Щаранский** — один из лидеров движения советских евреев за право на выезд в Израиль, сооснователь Московской Хельсинской группы. В 1977 году арестован и помещен в Лефортовскую следственную тюрьму, позже осужден на 13 лет строгого режима по обвинению в измене Родине-[2] и антисоветской агитации.[3] По версии КГБ, передал американцу Роберту Тоту, который «работал в Москве под видом журналиста», списки людей, получивших отказ в выезде из СССР из-за допуска к гостайне. Первые три года срока отбывал в тюрьмах, потом — в колонии строгого режима под Пермью. В 1986-м Щаранского обменяли на пятерых провалившихся агентов из соцстран. В Израиле он стал политиком, в 1990-2000-х годах занимал министерские посты в правительстве. Арест, следствие, суд и заключение Щаранский подробно описал в автобиографической

книге «Не убоюсь зла». В 2023 году переписывался с Алексеем Навальным.

---

1. Статья 275 УК.
2. Статья 64 УК РСФСР.
3. Статья 70 УК РСФСР.

Антонина Зимина — Марии Бовенко

Нас воспитывал как будущих правоохранителей[1] следователь, который вел дело Натана Щаранского в Лефортово, Юрий Иванович Сучков. Он, старший следователь по особо важным делам КГБ СССР, преподавал у нас. Интересно, что в постсоветские годы он следил по СМИ за судьбой бывшего подследственного и даже иногда казалось, что гордился его успехами в политике в Израиле. Следователь рассказывал о его хитрости, о том как много крови попил подследственный, как заставлял его постоянно быть начеку и всегда включать разум. Рассказывал обо всем с улыбкой. Интересно, Натан упоминает о нем и как?

История от Юрия Ивановича про Натана из тех, что хорошо запомнилась. «Он хитрый был еврей *(смеется)*-. Однажды вызываю его, а он приходит довольный и говорит: "Ну все, Юрий Иванович, вы попали!" И показывает упаковку таблеток. Он принимал лекарства, лечил желудок. И вот, дали ему лекарства, а они полгода как просрочены. Я перепугался: к делу было приковано очень много внимания даже за границами Союза. Что же мне было делать? Нужен

какой-то документ, что лекарства — безопасные, и отравиться он ими не мог. Пошел я к начальнику медслужбы, а он и не знал, что написать»

Далее Юрий Иванович рассказывал о своих мытарствах, хождении по кабинетам Минздрава и бесконечных запросах. В итоге, говорит, получил я документ от самого замминистра здравоохранения о том, что все лекарства, производимые в СССР, в течение полугода после истечения срока годности своих свойств не теряют и полностью безопасны при применении по назначению. Пришел, я показал с гордостью ему этот документ, а он мне: «Ну, Юрий Иванович, опять вывернулись».

Странно, но именно когда я оказалась в Лефортово, часто мне вспоминались истории Ю.И.Сучкова, которые в студенчестве казались такими оторванными от современности и скучными. А в заключении они помогли мне понять, как мыслят эти люди в форме, какова их логика, и оказалось это бесценным опытом, который старенький преподаватель успел передать нерадивым студентам. Маша, мне тоже безумно захотелось прочитать воспоминания Натана.

Антонина Зимина — Марии Бовенко

Книга настолько яркая! Мне очень близка мысль, точнее даже не близка, а также мною реализуемая на практике и по тексту Натана являющаяся нравственным императивом. Хочу поговорить о сохранении духовной дистанции между собой и своими тюремщиками. Это — основа основ. Как-то во время этапа из Лефортово в Калининград[2]

моим конвоиром была женщина из руководства ФСИН. Она очень интересно рассказывала, что, когда сотрудников обучают, им запрещают видеть в заключенных людей, они должны видеть не человека, а спецконтингент, говорила и о том, что это невозможно, т.к. и сотрудники, и заключенные видят друг друга годами и неизбежно привыкают. Рассказывала, что в одном из лагерей встретила одноклассницу среди осужденных, и обе они больше года избегали друг друга. Но я сторонник необходимости духовной дистанции с теми, кто натаскан на то, чтобы видеть в человеке зверя. Здесь это почти все сотрудники за редким исключением. В Лефортово была ли у меня дистанция? Да.

А когда они, нарушая много запретов, пытались поддерживать? Это, пожалуй, редкое исключение, во многом обусловленное тем, что я женщина, которая, оказалась в мужском СИЗО Лефортово. Несмотря на требование следствия быть построже и пожестче со мной, у мужчин-сотрудников (большинство из которых пришли во ФСИН из ВДВ) было свое понимание о том, что такое хорошо и что такое плохо. Бабу «гасить» и «кошмарить» — это плохо. Однажды сотрудник обходил с журналом (мы ежедневно расписывались за дежурство), а я спала. Когда проснулась, мне принесли журнал, обычно в нем росписи идут по порядку, а тут увидела: и сверху, и ниже моей клеточки все заполнено, удивилась, сотрудник сказал, что увидел в глазок, что я сплю, и не захотел будить. Это удивительно и рвало все шаблоны: некий ответ сотрудников администрации, которая «максимально строже» выстраивала отношения со мной по требованию следствия. То есть нашлись те, кто проявляет

человечность. В лагерях, даже в любом другом СИЗО, все по-другому.

Антонина Зимина — Марии Бовенко

В главе «Алия» последние странички, где уже в Восточном Берлине[3], Натан пишет: «Интересно,

что только сегодня утром я перечитывал Гете и Шиллера, не представляя, что через несколько часов окажусь на их родине». Забавно, но перед этапом на суды в Лефортово я как раз читала книгу Гете «Избирательное сродство». Она 1932 года издания: берешь в руки, открываешь и — первый штамп: «Библиотека Лефортовской тюрьмы ГУГБ НКВД», инвентарный номер написан едкими чернилами, еще перьевой ручкой, далее по штампам можно отследить всю историю государства. В книге — переписка каких-то заключенных, они подчеркивали буковки угольком спички. Даже рассказывала о книге следователям, было очень интересно, что же стало с этими людьми, у которых шла переписка на страницах книги, следователь подумал и сказал: «Да расстреляли их всех». Если когда-нибудь доведется вернуться в Лефортово, обязательно возьму еще раз эту книгу. Это настоящий живой музейный экспонат.

Антонина Зимина — Марии Бовенко

Маша, дорогая, в продолжении вчерашнего письма: я задумывалась, что бы сказал Ю.И. Сучков, если бы знал, как мне помогли его советы. Наверное сказал бы: «Вот и учи их после этого!». Или же воспринял бы с интересом.

Многое вспоминала, сидя в одиночке и гоняя мысли. Нас Ю.И. учил, что врать подследственному мы не можем (ну, он же из нас готовил следователей), но никто не отменял следственную хитрость...

Он рассказывал методы и приемы из своего богатого опыта: важно, чтобы подследственный думал, будто дела его плохи, доказательной базы с избытком, и сам захотел дать признательные показания. Заходите вы с огромной папкой бумаг, на папке — обложка от такого-то дела, фамилия подследственного, говорите: «У-у-у» и многозначительно смотрите. Да пусть у вас в папке ерунда какая-нибудь, но он-то об этом не знает! И каждый раз, видя у своего следователя старые лайфхаки КГБ, вероятно также рассказанные ему такими же следователями, я многозначительно улыбалась, но в душе хохотала. Мне даже хотелось обсудить со своим следователем все следственные хитрости, но, конечно, я этого не делала.

А забавно, мы никогда не знаем, какие знания нам могут быть полезными. Сидя в Лефортове, я с такой благодарностью вспоминала истории Ю.И. Сучкова, а ведь в университете была уверена, что мне это никогда не пригодится. Помню, внезапно запихивают меня в одиночку без каких-либо оснований, а я вспоминаю, что говорил Ю.И.: «Если у вас в деле ни одного доказательства, а подследственный молчит — это его право не давать показаний, бить его и даже оскорблять вам нельзя. Что надо сделать? Подойти по-человечески, без документов, к начальнику изолятора, объяснить ситуацию, попросить одиночную камеру. Через три дня следователь для подследственного будет как самый родной человек».

Я подумала: «Спасибо, Ю.И.!». И совсем перестала разговаривать со следователем. Если бы Ю.И. узнал... :))

Антонина Зимина — Марии Бовенко

Перед прогулкой принесли письма: твое и В.Е. Раевского. В его письме был скан поздравления от Натана Щаранского. Ого! Вот это да! Натан, чью книгу мы с соседками читали вслух и восхищались, чей следователь преподавал мне «Правоохранительные органы»! Он знает обо мне и написал такое теплое трогательное поздравление с Новым годом из Иерусалима. Он пожелал сил, а я — наполнилась счастьем!

Натан Щаранский — Владимиру Раевскому

Спасибо, что переслали эту переписку. Грустно читать о судьбе Тони, еще одной жертвы системы. И при этом приятно видеть, что книга выполняет то, для чего она и была написана. Сучкова я помню по ФИО. Он был один из 17-ти следователей, которые занимались моим делом. Скорее всего, я встречался с ним на ознакомлении с материалами моего дела, которое продолжалось несколько месяцев, когда все эти люди по очереди должны были сидеть со мной в комнате следователя. Про лекарство не помню, хотя очень похоже на правду в моих взаимоотношениях с ними.

А уроки Сучкова мне очень напоминают их поведение во время допросов.

Еще раз спасибо. Тоне могу дать еще один совет — смотрите на каждый день, который вы выдержали в тюрьме, как на еще один день вашей победы. Это помогает общему состоянию. Дай бог ей сил в этой борьбе.

Адрес для писем:

187010, Ленинградская область, Тосненский район, поселок Ульяновка, Ульяновское шоссе, дом 76, ИК-2

Зиминой Антонине Константиновне 1986 года рождения

Работают сервисы «ФСИН-письмо», «Зонателеком» и Prisonmail.online (принимает оплату иностранными картами)

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Зимина училась на юридическом факультете Балтийского федерального университета им. Канта.

2. Зимину судили в Калининградском областном суде.

3. Щаранского обменяли на Глиникском мосту, соединяющем Восточный и Западный Берлин.